
Дмитрий Владиславович
Тулин

**Это был
интеллектуальный подвиг
моих коллег!**

В 1978 году окончив факультет международных экономических отношений Московского финансового института, я был распределен в валютно-экономическое управление Госбанка СССР. Там я достаточно спокойно проработал более десяти лет, пока в июле 1990 года председатель правления В. В. Геращенко не предложил мне возглавить создаваемое в Госбанке управление ценных бумаг. Кое-что я по этой теме я уже знал, так как по роду своей деятельности знакомился с мировым финансово-банковским опытом. По тогдашним представлениям знать хотя бы теорию было уже не мало. На решение Виктора Владимировича, очевидно, также повлияло его желание на новое направление поставить относительно молодого (мне было 34 года) человека, с «незамутненным сознанием», неплохо проявившего себя на предыдущем месте.

Геращенко работал на опережение (ценных бумаг в стране фактически еще не было!) — в рамках «абалкиновской» реформы стали появляться первые советские нормативно-правовые документы о ценных бумагах — 15 октября 1988 года вышло Постановление Совета Министров СССР № 1195 «О выпуске предприятиями и организациями ценных бумаг». В нем было много путаницы — выпуск акций был разрешен всем предприятиям и организациям, переведенным на полный хозрасчет и самофинансирование в соответствии с Законом СССР о государственном предприятии (объединении). Акции, согласно Постановлению, могли быть: трудового коллектива (и распространяться среди его членов) и предприятия (и распространяться среди других предприятий, организаций, кооперативов и, что важно для нас — банков). То есть этим постановлением был открыт путь на рынок ценных бумаг коммерческим банкам — им также разрешили выпускать свои акции. Это важно для дальнейшего нашего повествования.

Прямо перед моим назначением 19 июня 1990 года Совет Министров СССР выпустил Постановление № 590 «Об утверждении Положения об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и Положения о ценных бумагах». Готовил его руководитель управления Минфина Михаил Алексеев, сыгравший большую роль в дальнейшем развитии рынка ценных бумаг. Вышли постановления, способствующие

развитию и рынка госбумаг. Здесь важно отметить Закон СССР «О собственности в СССР», утвержденный 6 марта 1990 года Верховным Советом СССР. Тогда предполагалось, что Госбанк СССР будет исполнять только роль агента правительства на рынке ценных бумаг.

С появлением управления мне были даны достаточно широкие полномочия по подготовке внутренних нормативных документов и подбору сотрудников. У меня их в первое время (месяца три) было целых ... один! Зато какой! Выпускник финансового института Андрей Андреевич Козлов. Еще более молодой, с еще более «незамутненным сознанием». Курировал нас многоопытный А. В. Войлуков.

Помню первые семинары-дискуссии о судьбах рынка, организуемые Андреем Козловым в здании Госбанка. Собиралась забавная публика: первые биржевики — товарных бирж, не имеющие представления о фондовом рынке. На первых рядах почетного собрания часто сидели совсем уж колоритные фигуры — развязанные молодые люди, кажется трейдеры, торговавшие всем, включая женские колготки на оптовых рынках. Однажды, после очередного выступления, показавшегося им заумным, один из них встал и «конкретно» заявил: «Значит так, мужики! Кончай базар! Давайте, наконец, главный вопрос обсудим: как бабки будем делать!» Хорошо помню и одно из первых выступлений Борового, тоже в здании Госбанка на Неглинке. Только что, в начале июля 1990 года была учреждена «Российская товарно-сырьевая биржа» и Константин Натанович еще не привык к публичности. Выйдя на трибуну, Боровой замялся, не зная, как обратиться к присутствующим в зале. Сказав «Господа!», он зашнулся, а потом засмеялся, смутившись непривычностью нового обращения и не зная, как продолжить выступление...

В начале 1991 года разразился первый большой скандал. Свои акции выпустило Межбанковское объединение МЕНАТЕП. Что в принципе было разрешено и не противоречило существовавшим нормативным актам. Но дело в том, что юридический статус Объединения был достаточно трудно определить. Оно соединяло странным образом ряд юридических лиц. Объявление в СМИ о выпуске неких ценных бумаг, названных акциями, поместило как раз это объединение. Реклама, таким образом, не соответствовала реальному положению дел. Покупатели, если бы они попытались вникнуть в проблему, легко убедились бы, что покупают акции конкретных юридических лиц и не становятся «совладельцами всех предприятий,

Д. В. Тулин

1978–1990

Экономист,
начальник отдела,
заместитель начальника
Валютно-экономического
управления Госбанка СССР

1990–1991

Начальник Управления
ценных бумаг Госбанка СССР,
член Правления Госбанка
СССР.

1991–1994

Заместитель председателя
Центрального банка России

1994–1996

Исполнительный директор
Международного валютного
фонда от России

1996–1999

Председатель правления
Внешторгбанка.

1999–2004

Старший советник
Европейского банка
реконструкции и развития

2004–2006

Заместитель председателя
Центрального банка России,
член Совета Директоров

2006 — наст. время

Партнер аудиторской
и консалтинговой фирмы
ЗАО «Делойт и Туш СНГ»

входящих в группу МЕНАТЕП», как им было обещано! В этом было расхождение в действиях руководства Объединения с законодательством. В результате любое лицо могло через суд признать выпуск акций недействительным, тем самым риск покупателей и продавцов был чрезвычайно велик.

Я не берусь говорить, что лица, стоящие за этой акцией, имели дурные намерения, но правовые «дыры» в их действиях были. Мне тогда пришлось плотно общаться с Ходорковским, Брудно, Дубовым, Лебедевым, объясняя им допущенные ими небрежности. Мне удалось убедить в своей правоте также советских и российских руководителей, регулирующих деятельность новых экономических субъектов. Сделать это было нелегко, так как менатеповцы искусно маневрировали между нами. Помните, в то время шла яростная война между Центром и республиками и «враг моего врага» практически всегда был «моим другом».

Тем не менее было подготовлено письмо в адрес МЕНАТЕПА с требованием прекратить распространение акций и переработать новые условия их эмиссии. Удалось добиться практически невозможного — получить подписи двух министров финансов (Павлова и Федорова) и председателей Госбанка СССР и ЦБ РФ (Герашенко и Матюхина)! Мы (я, Козлов и Златкис) встретились с Михаилом Борисовичем Ходорковским и всей его командой. Была приглашена стенографистка, записавшая весь разговор. Я попросил всех участников подписать стенограмму. На удивленные вопросы наших оппонентов, я пояснил свои действия: «Ну, как же, Вы, очевидно, попытаетесь обратиться в суд, вот тогда доказательства и понадобятся!»

Наша задача была показать этим молодым, азартным и далеко не глупым ребятам, что их имущественным интересам ничто не угрожает. Фактически они получили бесплатные консультации со стороны властей и пакет документов, необходимый для их дальнейшей работы! Но это тогда не входило в сферу их профессиональных задач. В период дикого развития рынка, финансовая целесообразность ставилась выше. Тем не менее в тот момент им пришлось пойти на изменение условий выпуска акций.

Еще одна «вольность», допущенная этими банкирами, заключалась в том, что они без разрешения использовали чужое фирменное наименование. На бланках МЕНАТЕПА, над названием самой организации гордо реяло «Государственный банк СССР». Так же именовалось объединение и на табличках, укрепленных на их зданиях! Вся эта солидная картина усиливалась изображением герба страны.

Следует уточнить — формальным нарушением это тогда не было, так как никаких законов, защищающих государственную символику от несогласованного использования, в России еще не было. Неоднократные попытки призвать менатеповцев к порядку, принятому в цивилизован-

ном мире, натыкались на ответы: «Вы нас не можете заставить это делать, а сами мы не будем! Мы не обязаны быть честными!». Аргумент Ходорковского — «Нам частные вкладчики пока не доверяют, и сами деньги не принесут, поэтому мы вынуждены выдавать себя за представителей государства!» был для них убедителен. Такова была мораль того времени.

Все это продолжалось до октября 1991 года. Сняты вывески были только в период судебной тяжбы председателя ЦБ РФ Г. Г. Матюхина и банка. Григорий Гаврилович в телеинтервью назвал МЕНАТЕП «сомнительной организацией» и вспомнил ее рекламную кампанию, Ходорковский подал на него в суд. Собирая доказательную базу, помощник Матюхина Г. Б. Чудновский снял на видеокамеру вышеупомянутые банковские таблички на улице Щипок. Георгия Бертольдовича засекла наружная охрана, и ему пришлось спешно ретироваться в Банк на Житную улицу, уходя от погони! Только после этого табличка была оперативно снята!

Я бы рассказал еще больше об этом авантюристичном периоде развития молодого бизнеса, но по этическим соображениям не хотел бы этого делать. Однако об одном забавном случае поведаю. Произошел он еще в 1990 году. Студент физического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова написал в Госбанк письмо, что он хочет бесплатно потрудиться в нашем управлении — пройти практику. Мы согласились, хотя занять его особо было нечем, поэтому ему пришлось заниматься самообразованием, читать литературу, в основном иностранную, предложенную нами. В перерывах мы его использовали в хозяйственных нуждах. Например, расставить столы перед очередным заседанием или после него. Практикант не отказывался ни от какой работы. За долгие годы имя его мы с Андреем Козловым забыли, но он сам о себе как-то напомнил. Это был Олег Владимирович Дерипаска.

В конце 1991 года я перешел в Центральный банк России. Так как я уже стал заместителем председателя Банка, имел много новых обязанностей, всей оргработой на этом участке стал заниматься Андрей Андреевич. Мне хватало времени только на политическое его «прикрытие». Самые яркие воспоминания о том периоде почти анекдотические, хотя по степени возможного воздействия на рынок, скорее, апокалиптические. В течение 1991–1992 года среди разработчиков законодательства о ценных бумагах велись активные дискуссии о допустимости участия на фондовом рынке коммерческих банков. Ряд сотрудников администрации Президента, в частности руководитель Главного правового управления Руслан Орехов, придерживались крайнего мнения: не допускать! Причем не разрешать никакие операции. Профессиональные брокеры составляли основу лобби, «продавливающего» данное решение. Центральный банк защищал интересы коммерческих банков. Я был твердо убежден, что, сколько бы проблем у банков ни было, они носители опре-

деленной профессиональной культуры. Может быть, на рынке в то время единственные! Споры были ожесточенные. Кроме споров и дискуссий были и аппаратные игры.

О двух наиболее острых интригах хотелось бы вспомнить.

Первую организовал, кажется, мой коллега по рынку ценных бумаг Дмитрий Валерьевич Васильев. Тогда еще заместитель председателя Государственного комитета по управлению государственным имуществом Российской Федерации. Готовилось Постановление Правительства РФ «Об утверждении положения о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР». После долгих противодействий стороны пришли к компромиссу и согласились, что все-таки банки должны участвовать в работе на рынке ценных бумаг в пределах ограничений, установленных Центральным банком. Ограничения были довольно жесткие и предохраняли банки от излишних рисков. ГКИ и ЦБ был подготовлен и согласован соответствующий проект постановления Правительства № 78.

Заседание правительства, проходившее 28 декабря 1991 года, вел еще Б. Н. Ельцин. Г. Г. Матюхин направил меня на него представлять Центральный банк. В предоставленном мне для ознакомления документе с удивлением я узнал, что банкам запрещается заниматься операциями с ценными бумагами! Это замечание было включено уже после всех согласований, явно в расчете, что «победителей не судят» и на него не обратят внимание.

На столь высокое собрание я попал впервые, порядков не знал. Наш вопрос был «проходным», и дискуссии не предполагал. Однако, когда Борис Николаевич проформы ради, вернее, для соблюдения демократической процедуры, спросил, есть ли у кого-нибудь из присутствующих возражения или замечания, я неожиданно для всей аудитории стал тянуть руку и подниматься. Даже каким образом привлекать к себе внимание председательствующего, я еще не знал. Получив разрешение высказаться, я начал издали, искренне желая донести до Президента РФ основы рынка ценных бумаг. На что получил резкое замечание Бориса Николаевича: «Молодой человек, не могли бы покороче?!» Тогда я просто предложил сократить один из фрагментов текста. Ельцин вновь обвел взглядом зал и задал очередной дежурный вопрос: «Нет ли иных точек зрения?!» Больше «смелых» не было...

На выходе из зала заседания я получил массу упреков от Дмитрия Валерьевича. Все они сводились к одному: «Что мы, сами не могли договориться?! Так дела не делаются! Зачем было Президента в них втягивать!»

Еще был случай во второй половине того же 1992 года в период резкого роста взаимных неплатежей — все по кругу должны были всем! И тогда действительно стали обсуждать возможность выпуска ценных бумаг на всю сумму дебиторской задолженности предприятий и организаций страны. Эту идею особенно горячо поддерживало брокерское сообщество

и иные частные предприниматели, сторонники либеральной экономической концепции. Главным носителем идеи и особенно активным лоббистом был Игорь Сафарян, президент финансовой компании «Брок-Инвест-Сервис». В результате этой активности мог появиться несравнимый ни с чем рыночный инструмент и колоссальные возможности заработать на торговле обязательствами, а затем и приобрести права собственности на эти самые предприятия и организации. При том хаосе можно было при некоторой решительности овладеть практически любым российским предприятием! Даже законодательства о банкротстве еще не было, но для трейдера чем хуже качество обязательства, тем больше возможностей для работы. Мы, понимая какой грандиозный передел собственности (далеко не всегда законный и справедливый, а потому с непредсказуемыми политико-экономическими последствиями) грозит с принятием такого решения, отчаянно боролись против него.

Неопределенная ситуация длилась две-три недели — шла аппаратная борьба. В них принимали участие и Дмитрий Валерьевич Васильев с Анатолием Борисовичем Чубайсом. Насколько я помню, точку в рассмотрении вопроса (после серьезных колебаний!) поставил Егор Тимурович Гайдар, тогда и.о. премьера. Его удалось убедить, что решение принимать нельзя! Реального пакета документов так и не появилось.

Самым же светлым пятном в моей памяти были государственные ценные бумаги, а еще точнее ГКО. Все остальные мои полномочия доставляли мне в основном головную боль, а здесь я постоянно видел процесс созидания. Благо, на этом месте работал чрезвычайно творческий, талантливый и, по-хорошему, азартный коллега Андрей Андреевич Козлов. Поэтому я мог уделять рынку ценных бумаг минимальное время, получая при этом максимум удовлетворения.

Помимо ГКО я курировал международные операции, в период, когда совсем не было валютных резервов, реорганизацию обанкротившегося Внешэкономбанка СССР, вел вынужденные неприятные разговоры с иностранными кредиторами. Каждый день проходил у меня в ожидании грядущей катастрофы. Не известно было, чем он закончится! Потом мне пришлось заниматься валютным контролем, банковским надзором — ясно всем, что положительные эмоции здесь сложно было получить.

А механизм торговли ГКО уникален, и он был создан таким, что используется до сих пор. Это был интеллектуальный подвиг моих коллег! Появление данной технологии в начале 90-х годов можно сравнить с запуском первого спутника в 1957 году. А финансовый хаос и экономический коллапс тех дней можно сравнить с послевоенной разрухой 50-х. Как этот механизм российское правительство использовало — это на его совести. Из подаренного охотничьего ружья тоже можно перестрелять множество народу, но не ружье будет в этом виновато. И вот такой профессиональный подвиг был опорочен дурной политикой.

Подводя итоги, хочется отметить, что, несмотря на ожесточенные бои за право регулирования рынком ценных бумаг и установление своей концепции его развития, рынок вырулил в правильном направлении. И я рад, что концепция, которую отстаивал и я, — справедливой конкуренции различных рыночных институтов, победила. Банки имели серьезную нормативную базу, ограничивающую их свободу на рынке ценных бумаг, и это давало преимущество их конкурентам — свободным брокерам, не ограниченным ничем. Зато благодаря своему капиталу, организованности и квалификации сотрудников банки имели иные возможности, в частности, для отстраивания инфраструктуры рынка. В результате на рынке ценных бумаг все получили свою нишу.

А вообще это был очень важный период развития рынка. За несколько лет рынок ценных бумаг в России прошел путь, для которого другим странам понадобились десятилетия!

